

Многие люди считают «фу» (увлечение бойз-лавом) просто хобби, но я не поддерживаю такую точку зрения.

Для меня любовь, будь то гетеросексуальная или гомосексуальная, — это просто разные формы одного и того же чувства. Я всегда так думал.

Прошу прощения за то, что говорю такие непонятные вещи.

Это, безусловно, был самый тихий ужин за последнюю неделю. Кроме редкого стука палочек о край миски и глухих звуков при глотании, в комнате не было никаких других шумов. Благодаря этой тишине шум ливня за окном стал ощутимее.

Хаяма пытался не думать ни о чем, чтобы полностью успокоиться. Это было довольно легко, потому что он действительно не понимал, почему злится. На самом деле для Кандзаки было вполне нормально беспокоиться о вопросах пола, и любой бы его понял. Но сам Хаяма, будучи вовлечённым в ситуацию, чувствовал раздражение. Может, это была та самая слепота, когда ты слишком близок к проблеме? Трудно сказать.

Но если бы он хотел найти оправдание своему гневу, это было бы несложно. Хаяма лишь слегка упомянул о госпоже Заки, а Кандзаки уже начал ревновать, проявляя недоверие к нему и неуважение к другим — хотя такие мысли, вырвавшиеся сгоряча, можно понять и простить.

— Эх, — вздохнул Хаяма.

К счастью, он не был человеком, который заикливается на мелочах, иначе сейчас он бы не смог есть. Такое поведение больше подошло бы влюблённым девушкам, но уж точно не для текущей ситуации.

Однако господин Призрак напротив явно выглядел более расстроенным. Хотя ему и не нужно было есть, он остановился на полпути, держа палочки в руках, и это нельзя было объяснить просто отсутствием аппетита.

— Кандзаки... Еда ведь ни в чём не виновата, правда?

После долгого молчания Хаяма наконец заговорил. Его тон был спокойным, как будто прежнего раздражения и не было, и это было хорошим знаком. Кандзаки, похоже, ждал, когда он заговорит, и, как только тишина была нарушена, он облегчённо вздохнул:

— Слава богу — ты молчал, а я уже начал бояться.

— Не делай из меня какого-то злого демона, с которым ты встретишься только у ворот ада, — шутливо ответил Хаяма.

Хотя он не был мастером в разрядке напряжённой обстановки, найти тему для разговора было несложно... Хотя почему-то его слова звучали так, будто он желал Кандзаки смерти? Хотя, впрочем, он и так уже был мёртв.

Чем больше он пытался объяснить, тем больше это походило на оскорбление, так что лучше было не продолжать. Хаяма понял, что его мозг не справляется с организацией мыслей, и когда же он наконец научится говорить лучше? По крайней мере, в следующий раз он постарается не выглядеть так нелепо.

— Я действительно не умею говорить, — с сарказмом сказал он себе.

Он посмотрел на почти пустую миску с рисом и на оставшиеся два блюда на столе. Очевидно, Кандзаки внезапно потерял аппетит, и поэтому еды осталось больше, чем планировалось. Руководствуясь принципом не тратить пищу впустую, Хаяма напомнил:

— Неважно — Кандзаки, ты что, привередлив в еде?

— Нет... — с горькой улыбкой ответил Кандзаки.

Тишина была окончательно нарушена, и господин Призрак, который до этого хмурился, теперь выглядел более расслабленным.

— Тогда, воспользовавшись моментом, я думаю, будет лучше всё прояснить — госпожа Заки, я просто не хотел оставлять её без внимания, и тут нет ничего, что могло бы вызвать твой подозрения.

Едва закончив говорить, Хаяма, словно назло, постучал палочками по столу и, не дав Кандзаки ответить, продолжил:

— Ты просто недостаточно меня знаешь, я не из тех, кто будет колебаться из-за таких глупостей — ах.

Осознав, что они знакомы всего несколько дней, Хаяма смутился. Он вёл себя так, будто Кандзаки должен был его хорошо знать, но это было лишь его самонадеянностью.

— Прости, — сказал Хаяма.

Он слегка закрыл глаза, отводя взгляд от чувства вины.

— А?

— ...Прости, я, кажется, переборщил, — повторил и объяснил Хаяма.

Кандзаки не выказывал никаких упреков, но Хаяма продолжал извиняться. Неясно, было ли это из-за страха разозлить его или просто чтобы успокоить себя, но его привычка извиняться явно дала о себе знать.

— Нет, всё в порядке, Рин, не нужно постоянно извиняться... Я даже начал волноваться, не задел ли я тебя, — сказал Кандзаки, замедляя речь, почти произнося слова по слогам.

— Задел... Странное слово. Ха, мне тоже не стоит тебя судить, — усмехнулся Хаяма.

— Ой, гром грянул.

Снаружи внезапно раздался громкий звук, и Хаяма, не ожидая этого, вздрогнул.

Он не был человеком, который боится грома, но сейчас всё его внимание было сосредоточено на господине Призраке, и такой неожиданный звук действительно напугал его.

— Это же был ливень, неужели он превращается в грозу?

Только после этого удара грома стало ясно, что дождь уже вышел из-под контроля, и его уже нельзя было назвать просто ливнем. Кстати, именно из-за дождя он и познакомился с госпожой Заки.

— ...Теперь я могу безопасно упомянуть госпожу Заки? — спросил Хаяма.

Кандзаки, похоже, окончательно потерял аппетит, а Хаяма уже доел последние зёрна риса в своей миске. Он встал и начал убирать со стола. Господин Призрак задумчиво посмотрел на него, а затем молча кивнул:

— Ага.

— Хорошо — сначала уберём всё, я не люблю, когда стол остаётся в беспорядке.

Остатки еды можно оставить на вечер, времени пройдёт не так много, так что можно обойтись без пищевой плёнки. Однако, посмотрев на количество, Хаяма понял, что приготовленное рагу с картошкой, скорее всего, пропадёт, и, возможно, его лучше взять с собой на завтрак.

— Ты что, из-за таких вещей перестаёшь есть, ты что, школьник? — вытирая брызги соуса со стола, Хаяма посмотрел на задумчивого господина Призрака и с лёгкой насмешкой сказал.

Это была не просто насмешка, в его словах чувствовался упрёк. Хаяма, конечно, понимал, что поступает довольно жестоко — Кандзаки ведь не хотел ничего плохого, и, объективно говоря, он сам выглядел более неприятным. Но, будь то детская капризность или внезапное падение эмоционального интеллекта, Хаяма всё же сказал это.

Насмехаясь над тем, что Кандзаки ведёт себя как школьник, он сам демонстрировал свою незрелость. Если бы у него в руках не было тряпки, он, вероятно, снова начал бы тереть виски.

— Я бы хотел сказать... Рин, ты с самого начала ведёшь себя странно. И ещё... ладно, — он, казалось, хотел что-то добавить, но в конечном итоге замолчал.

Возможно, Хаяма мог догадаться, что именно хотел сказать Кандзаки. Убирая со стола, он начал вспоминать, что же произошло — всё началось с одной фразы Кандзаки, и, по логике, небольшого объяснения было бы достаточно, чтобы ситуация не зашла так далеко. Разозлиться из-за одного слова — это явно была его вина.

И самое неприятное, что Хаяма всячески избегал прямого признания своей ошибки. Хотя он и извинялся, в его словах всё же чувствовался упрёк.

«Я самый глупый здесь», — подумал Хаяма.

Теперь ему было неловко открыто поговорить с Кандзаки, хотя он понимал, что его упрямство может причинить тому боль.

— Теперь, даже если я извинюсь, это уже не поможет... Кандзаки, скажи, что я могу для тебя сделать — может, лучше показать свою искренность действиями?

— А, Рин? — Кандзаки, похоже, не совсем понимал, что он имел в виду.

— Я хочу сказать, что, возможно, мне стоит доказать свою искренность действиями? Ты же знаешь, что я не очень умею говорить.

— А, понятно, — наконец выйдя из состояния задумчивости, Кандзаки встал, показывая Хаяме, чтобы тот передал ему сложенные тарелки. — Я отнесу их в раковину.

Но Хаяма не последовал его просьбе.

— Рин... — глядя на упрямство Хаямы, Кандзаки, кроме как произнести его имя, не нашёл, что сказать.

— Кандзаки, просто отдохни, я сам справлюсь.

На самом деле в вопросах домашних дел Кандзаки всегда сам предлагал помочь, и заставлять его отдыхать было несправедливо. Но раз уж он сказал, что хочет извиниться действиями, то позволить Кандзаки помогать теперь казалось неправильным.

<http://bllate.org/book/16196/1453475>